

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(Из воспоминаний)

3. — «ОСВОБОЖДЕНИЕ». — ПАРИЖ. — ПЕТЕРБУРГ.

Начало моих отношений к тому политическому направлению, которому я остался вѣрен всю послѣдующую мою жизнь, относится к другим частям этих воспоминаний. Но, чтобы установить характер этих отношений, как они сложились к тому моменту — осень 1904 г., — к которому относится мой рассказ, необходимо привести нѣсколько справок из прошлаго.

Мое первое знакомство с «патріархом» русскаго конституціонно-демократическаго движенія, И. И. Петрункевичем, и с кружком его молодых друзей в Москвѣ относится к первой половинѣ девяностых годов прошлаго столѣтія. Мнѣ было девять лѣтъ, когда И. И. начинал свою оппозиціонную дѣятельность в земских кругах, и девятнадцать, когда он вел свои знаменитые переговоры о политическом перемиріи с русскими террористами. В 90-х годах мнѣ было 30-35, и мое политическое направленіе в общем уже опредѣлилось. Но это вызвало в февралѣ 1895 г. мою высылку в Рязань, а затѣм мой от'зд в Болгарію, откуда я вернулся в Петербург лѣтом 1899 г. и, послѣ новых «недоразумѣній» с полиціей, был удален из столицы (1901). В мое отсутствіе развернулась в Россіи первая организационная дѣятельность «предсѣдателей губернских управ» и избраннаго ими пятичленнаго «бюро» земств, под предсѣдательством Д. Н. Шипова, а послѣ «запрещенія» их в декабрѣ 1896 г. начались (вѣрнѣе, возобновились) проявленія согласованной земской оппозиціи на политической почвѣ — с замѣтным участіем в них «третьяго элемента». Для меня лично памятником этого сближенія двух параллельных, но все-же различных политических от'ѣнков остались в эти годы мои дружескія отношенія к кружку «Русскаго Богатства», завязавшіяся сейчас-же послѣ возвращенія из изгнанія, а реальным результатом сближенія был любопытный документ, по-

павшій в руки полиціи при обыскѣ: составленный нами вмѣстѣ с А. В. Пѣшехоновым в 1901 или 1902 г., проект конституціи и гайной организациі *). На допросѣ меня ген. Шмаковым это был единственный затруднительный для меня момент, когда он выложил предо мной эту потрепанную бумажку. Но тут-же он меня и успокоил, высказав предположеніе, что это, вѣроятно, копія какого-нибудь историческаго документа; с этим я и поспѣшил согласиться, отнеся наш проект не то ко временам Екатерины II, не то Александра I-го. По ходу дальнѣйшихъ событій, это было даже правдоподобно. Документ звучал довольно невинно.

Лѣто 1901 г. я проводил, в ожиданіи болѣе прочной осѣдлости на станціи Удѣльной, в небольшомъ финляндскомъ курортѣ Ловизѣ, прелестномъ мѣстечкѣ среди чисто-финскаго пейзажа — шхер, камней и деревенскихъ длинныхъ загородей. Вспоминаю маленькій эпизод изъ этого моего перваго знакомства съ Финляндіей. Сидя в тюрмѣ, в ожиданіи этой вилледжіатуры, я подзубрилъ немножко финскую грамматику и при первой же прогулкѣ, гордый своими знаніями, спросилъ встрѣчнаго крестьянина о дорогѣ: по-фински. Каково было мое изумленіе, когда онъ съ обиженнымъ видомъ отвѣтилъ мнѣ по-шведски — на языкѣ, болѣе мнѣ знакомомъ, с которымъ я познакомился еще в Москвѣ, изучая шведскіе источники для диссертаціи о Петрѣ Великомъ. Потомъ уже я узналъ, что весь берегъ заселенъ шведами; шведы были и моими первыми знакомыми, связанными съ финляндскою политикою; рядомъ было имѣніе виднаго шведомана де Борна, и я попалъ в самый разгаръ конституціонной борьбы Бобриковской эпохи.

Сюда, в Ловизу, пріѣхалъ ко мнѣ будущій «освобожденецъ» и режиссеръ «Союза» Д. Е. Жуковскій съ опредѣленнымъ предложеніемъ. Земцы рѣшили основать нелегальный заграничный органъ — и предлагаютъ мнѣ сдѣлаться его редакторомъ. Подумавши, я отказался. Мотивомъ отказа было то, что, уже испробовавъ эмиграцію, я не хочу вновь отрѣзать себя отъ Россіи. На вопросъ, кого бы я могъ назвать для замѣщенія этого почетнаго и отвѣтственнаго поста, я указалъ на П. Б. Струве. Много позднѣе я узналъ, что Струве

*) Мнѣ напоминаютъ, что это было исполненіе порученія, даннаго намъ в частномъ совѣщаніи у меня на квартирѣ, гдѣ я говорилъ рѣчь о необходимости вести борьбу «на границѣ легальности». В составѣ участниковъ были, кромѣ насъ двоихъ, Никоновъ, Девель, Фальборкъ, Чарнолуцкий, Рубакинъ и др.

и без того думал о заграничном органѣ и уже ѣздил за-границу для переговоров с основателями «Искры». Он тогда был близок к социал-демократіи, — в качествѣ одного из вождей «легального» марксизма девяностых годов. Но уже начались на этой почвѣ недоразумѣнія с болѣе радикальными единомышленниками, и Струве уже тянуло вправо от социал-демократической позиціи — к конституціонализму, не предрѣшающему дальнѣйших событій послѣ совмѣстнаго достиженія той промежуточной «станціи», на которой наши пути должны были разойтись. Вернувшись из за-границы в Россію, Струве был как раз тогда (1901) выслан в Тверь, гдѣ довольно близко познакомился с И. И. Петрункевичем. Из воспоминаній И. И. извѣстно, что к этому времени он окончательно остановился на платформѣ «конституціи» (а не «земскаго собора»), думал об изданіи заграничнаго органа и о кандидатах на пост редактора. Он был «рѣшительно против того, чтобы обречь Милюкова на судьбу Герцена», и согласился тѣм охотнѣе на кандидатуру Струве, что этот послѣдній, все равно, рѣшился, не получая официальнаго позволенія на выѣзд, эмигрировать.

Однако, переговоры о моем сотрудничествѣ продолжались. Къ веснѣ 1902 г. дѣло об издательствѣ настолько подвинулось вперед, что меня вызвали в имѣніе Петрункевича, «Машук», для составленія программнаго воззванія. Кромѣ Петрункевича, в составленіи принимали участіе Д. И. Шаховской и А. А. Корнилов. Это — то самое воззваніе, которое, почти без измѣненій, было напечатано в первом, іюньском номерѣ «Освобожденія» 1902 г. Из «Машука» его свезли в Москву, гдѣ, в кружкѣ земцев и «лиц свободных профессій», оно было окончательно обсуждено и одобрено. Я напомию, что воззваніе обращалось «исключительно» к той части «безсословнаго общественнаго мнѣнія», которая «не имѣла возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революціонной борьбѣ». Другими словами, здѣсь исключалась как социал-демократическая, так и народническая тактика. — Активной представительницей этого безсословнаго мнѣнія должна была выступить, благодаря своему положенію в органах самоуправленія, земская группа, с которой «Освобожденіе» и об'являло себя «наиболѣе связанным». Главными требованіями, пред'являемыми к программѣ, были ея «принципальность», ея «исполнимость» — в зависности от реальных условій момента — и ея соотвѣтствіе чаяніям «всей русской интеллиген-

цій», как «главнѣйшей силы», представляющей «общественное мнѣніе». В виду сложности сочетанія всѣх этих требованій, первоначальная программа «Освобожденія» развивала только «ближайшія перспективы» и обсуждала лишь «элементарнѣйшія и необходимыя предварительныя условія свободной общественной жизни». Сюда программа относила «личную свободу, гарантированную независимым судом», равенство всѣх перед законом, «основныя» политическія права и, наконец, «безусловное народное представительство в постоянно дѣйствующем и ежегодно созываемом верховном учрежденіи, с правами высшаго контроля, законодательства и утвержденія бюджета». Оставляя в сторонѣ всѣ предметы, долженствовавшіе служить содержаніем работ будущаго законодательнаго органа, программа предлагала остановиться лишь на «первом шагѣ»: на устройствѣ того «учредительнаго органа», который должен создать орган законодательства. Этому первому шагу должен был предшествовать «акт высочайшей воли», признающій и утверждающій всѣ вышеупомянутыя предпосылки политической свободы. Вмѣстѣ с возстановленіем строгих границ между законом и административными распоряженіями (подлежащими немедленной отмѣнѣ) и широкой амнистіей, все это должно было быть «заявлено и осуществлено односторонним актом верховной власти», в формѣ, на примѣр, высочайшаго манифеста. Затѣм уже, выработка «деталей политической реформы» должна была быть ввѣрена «учредительному органу», составленному из представительства земскаго самоуправленія и «пополненному тѣми элементами, которые недостаточно представлены в современном самоуправленіи» (формула Шаховскаго). Такой состав органа будет, конечно, страдать «необходимым несовершенством», и всего труднѣе для него будет выработка избирательнаго закона. Но его задача — «непродолжительная и временная», и «во всяком случаѣ, такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣм тот «скачек в неизвѣстное, который представляла-бы всякая попытка выборов ad hoc, под неизбѣжным в таких случаях правительственным давленіем и при трудно-опредѣлимом настроеніи непривычных к политической жизни общественных слоевъ». Печальная практика всеобщих выборов по теоретически широкой болгарской конституціи руководила мною при этой осторожной формулировкѣ.

Как видим, первоначальная программа «Освобожденія» разрабатывала только одну *политическую* сторону реформы в самых

общих очертаніях, оставляя совершенно в сторонѣ как матеріальное содержаніе будущаго законодательства (в том числѣ и социальнаго), так и *тактику* осуществленія реформы, которая должна была пойти по равнодѣйствующей между напряженіем общественной борьбы и степенью готовности к уступкам со стороны верховной власти. Но эти умолчанія, конечно, не устраняли необходимости говорить теперь же обо всем этом в соотвѣтствующей русской средѣ и в ея заграничном органѣ. На практикѣ, «напряженіе» росло в гораздо большей степени, нежели «готовность к уступкам». Этим и опредѣлилась дѣйствительная «равнодѣйствующая»: она оказалась не той, на которую рассчитана была программа перваго номера «Освобожденія».

Разсказ о том, как поднималась общественная температура в результатѣ этого несоотвѣтствія, выходит за предѣлы этих воспоминаній. Эту тему разрабатывали с разных сторон: одни — находя возрастаніе температуры чрезмѣрным и вредным для полученія окончательнаго результата; другіе — все еще недостаточным, чтобы получить этот результат в чистом видѣ. В «Освобожденіи» уже тогда, во время самой борьбы, а не в порядкѣ исторической оцѣнки, задним числом, обѣ точки зрѣнія столкнулись. Уже тогда между ними приходилось выбирать. Мой выбор сказался в рядѣ статей, в которых я стал на вторую точку зрѣнія, не раздѣляя, однако, ея крайних увлеченій. Впрочем, эти увлеченія тогда и не проявились еще в своем наиболѣе рѣзком выраженіи. Температура поднималась — и поднималась быстро. Но она не дошла еще до точки кипѣнія. В этой стадіи я готов был считать подѣм температуры — только полезным *).

Ограничусь лишь нѣсколькими указаніями, опредѣлившими мою тактику 1904 года. Первое, в чем сказался — не столько общій даже подѣм общественнаго настроенія, сколько подход болѣе лѣвых элементов к первоначальному тѣсному кругу конституціонно настроенных земцев, было расслоеніе самих земцев на двѣ неодинаково настроенныя группы. В «Освобожденіи» это отразилось полемикой между «Земским Гласным Т.», лѣвѣ настроенным, и просто «Гласным», его оппортунистическим оппонентом (№№ 7, 12 и 22). «Необходимо покончить с робкими полумѣ-

*) См. выдержку из моей статьи в «Освобожденіи» — в первой части воспоминаній, — «Русскія Записки», Апрель 1938. Статья, подпisanная «Гласным», принадлежала Петрово - Соловово.

рами легальной оппозиціи», настаивал «Гласный Т.». Конечно, «это не значит, что мы должны усвоить себѣ всѣ приемы борьбы, к которым прибѣгали дѣятели революціонныхъ партій... Но нам не приходится противопоставлять земскую оппозицію — революціонной». «*Активная* борьба земскихъ собраній с самодержавіемъ невозможна», отвѣчал ему «Гласный». «Земскіе труженики» лишь «сѣют» посѣвъ для будущаго. «Гласный Т.» отвѣчал, что, напротив, и в границахъ земскихъ собраній можно и должно «не стѣсняться рамками дѣйствующаго закона». И он приводил примѣры того, что потомъ называлось «явочнымъ порядкомъ». Я принялъ участіе в этомъ спорѣ (№ 17) и дѣлалъ выводъ, что «Освобожденіе» обслуживаетъ слишкомъ широкій политическій фронтъ. Если мы хотимъ поставить на очередь вопросъ о своевременности либеральной организаціи — даже «партіи», то необходимо размежеваться между собою: отдѣлиться отъ «идеалистовъ самодержавія» и отъ «неисправимыхъ славянофиловъ», которыхъ Струве продолжалъ причислять къ «либеральнымъ элементамъ». Необходимо «создать хотя-бы крѣпкія кадры партіи изъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ». Струве согласился съ этою постановкой, но призналъ, что в такомъ случаѣ уже надо пересмотрѣть программу перваго номера и дополнить ее соотвѣтственной тактикой. Он не находилъ в первоначальной нашей деклараціи «яснаго заявленія в пользу всеобщей подачи голосовъ» и «программнаго выясненія отношенія къ социальнымъ вопросамъ — аграрному и рабочему», тогда какъ то и другое было совершенно необходимо для опредѣленія социальнаго базиса предполагаемой партіи. С этимъ я, в свою очередь, былъ совершенно согласенъ; какъ сказано, болгарскій опытъ научилъ меня относиться осторожно къ политическому использованию всеобщаго избирательнаго права со всѣми его четырьмя «хвостами»; но нельзя было и требовать отъ молодой русской демократіи знакомства с плодами политическаго опыта и отреченія, во имя этого отвѣтственнаго опыта, отъ кореннаго пункта демократической догмы. Соціальное же законодательство не только не отрицалось, но предполагалось какъ необходимый дальнѣйшій шагъ в программѣ перваго номера. Для широкой публики принятіе того и другого пункта в освободительскую программу представлялось, конечно, побѣдой лѣваго теченія.

В теченіе 1903 года можно было уже говорить об остромъ подѣмѣ общественнаго настроенія. По вѣрному наблюденію редактора «Освобожденія», в этомъ году «пароксизмъ революціонной го-

рячки стал хроническим для Россіи». Я в это время был в Америкѣ. Без меня состоялся и первый акт организациі — пока еще не «партіи», но «Союза Освобожденія». Под видом туристской прогулки, десять земцев — лѣваго устремленія — и десять лѣвых интеллигентов, переѣзжая из города в город, в окрестностях Констанца и на Боденском озерѣ, основали «Союз» в іюль 1903 г. Режим Плеве не только не истребил оппозиціонных настроеній в земствѣ и в обществѣ, но, напротив, их в значительной степени усилил и обострил. По возвращеніи земцев из заграничной поѣздки, в Харьковѣ был принят план образованія отдѣленій «Союза» в провинціи, а 3-5 января 1904 г., во время застѣданій с'ѣзда по техническому образованію, опредѣленно настроеннаго политически, состоялся учредительный с'ѣзд «Союза», в котором участвовали уже представители от 20 городов. Начало всеобщей подачи голосов здѣсь было развернуто в т. наз. «четырехвостку» (всеобщее, равное, тайное и прямое); подчеркнуто принципиальное отношеніе к социально-политическим вопросам, признано право самоопредѣленія за народностями россійскаго государства; в частности, относительно Финляндіи установлено требованіе о возвращеніи к нарушенному правительственнымъ вмѣшательствомъ государственно-правовому положенію. Наконец, выбран тайнымъ голосованіемъ «Совѣтъ Союза». Провинціальная организациа Союза довершена послѣ этихъ постановленій. «Союз Освобожденія» получил с этихъ пор независимое существованіе от своего заграничнаго органа.

При такомъ настроеніи началась 26 января 1904 г. японская война. Среди земцев она отразилась ростомъ специфически патріотическихъ настроеній, которыя отразились и на страницахъ «Освобожденія». Редактор самъ поддался до нѣкоторой степени этому внутрирусскому настроенію. Я уже говорил о своемъ отношеніи к этой крайне непопулярной войнѣ, завѣдомо предназначенной для использованія в качествѣ политическаго оружія реакціи. Опасаясь пониженія оппозиціоннаго настроенія, я написалъ для «Освобожденія» ту полемическую статью, о которой говорилось выше, и подчеркнул в ней необходимость не оставаться «пассивными», а, напротив, продолжать борьбу с правительствомъ Плеве. Какъ разъ в это время Плеве былъ убитъ. Растерявшееся правительство, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшило пойти на уступки. В «Освобожденіи» я рѣшительно предостерегалъ отъ довѣрія къ «Новому Курсу»

преемника Плеве, считая шансы возможного в то время компромисса черезчур слабыми и заранее обреченными на неудачу. «Наш неисправимый оптимизм, — писал я (№ 57), — опять должен поднять голову. Опять будут раздаваться голоса об осторожности и постепенности, о том, чтобы не испортить настроенія в правительственных сферах, не пропустить момента и т. д.». В противоположность этим толкам — которые, дѣйствительно, и начались, я устанавливала тезис: «между самодержавіем и послѣдовательным конституціонализмом нѣтъ промежуточныхъ позицій». «Нам нужны факты; мы не можемъ уже давать в кредит, потому что мы сами лишимся кредита, если позволим себѣ это». «Вы можете, если с'умѣете, переманить кого-нибудь из нас в вашу сторону, но знайте: с той минуты, когда он станет вашим, он уже перестанет быть нашим, — и, стало быть, перестанет быть нужен и нам, и вам». Эту аргументацію мнѣ не раз приходилось повторять и в послѣдствіи. Но что же дѣлать? Я отвѣчал: «надо искать такой укрѣпленной позиціи, которую можно защищать не штыками и висѣлицей, а силой организованнаго общественнаго мнѣнія... гдѣ общественныя группы могут найти достаточно мѣста, чтобы стать рядом, а не друг против друга; гдѣ люди могут бороться открыто, не опасаясь насилія над собой и не вынуждаемые сами к такому же насильственному отпору». Это была все та же, единственно-возможная позиція, на которую указывали давно: «настоящее, нефиктивное народное представительство, облеченное соотвѣтственной властью... Позиція легальной борьбы, защищаемая парламентскими средствами». Для меня было ясно, что до этой позиціи компромисс Святополка-Мирскаго с конституціоналистами не дотянет, и слѣдовательно, состояться не может. Нужно было, стало быть, не сдаваться на соблазнительныя предложенія, а готовить новыя усилія — и прежде всего гласно, открыто, торжественно, на глазах у всѣх закрѣпить ту позицію, о которой здѣсь сказано. «Готовить усилія» и «закрѣпить позицію» — это были двѣ очевидныя практическія задачи.

Передо мною лично стала одна из них — та задача, которая непосредственно вытекала из достигнутаго освободительным движеніем подъема. «Союз Освобожденія» рѣшили вступить в правильныя сношенія с революціонными партіями, и с этой цѣлью, как вспоминает Вѣлковскій («Земское Движеніе»), «мѣсяца за полтора до земскаго с'ѣзда (6-9 ноября, т. е. около половины

сентября стараго стиля), три члена «Союза Освобожденія» и один член организациі, постоянно проживавшій тогда за-границей, поѣхали в качествѣ представителей «Союза Освобождені» в Париж на с'ѣзд делегатов от дѣйствовавших тогда в Россіи различных партій». Здѣсь, очевидно, разумѣются, П. Б. Струве, кн. Петр Долгоруков, В. Я. Богучарскій и я. В тѣ же дни выѣхал вмѣстѣ с П. Д. Долгоруковым в Париж И. И. Петрункевич; но он на самом с'ѣздѣ не присутствовал и со мной в Парижѣ, сколько я помню — и насколько видно из его воспоминаній, — не встрѣчался; по-видимому, потому, что раньше открытія с'ѣзда уѣхал в Виши. Из донесеній Азефа, представлявшаго на этом с'ѣздѣ партію с.р.-ов, завѣдывавшему политической частью департамента полиціи Ратаеву извѣстно, что с'ѣзд открылся 30 сентября; о моем участіи в засѣданіях упоминается под 2 и 4 октября (стараго стиля). Мы, конечно, не знали, что так хорошо освѣщены для департамента полиціи, и только впоследствии Столыпин с думской кафедры огласил наши псевдонимы (я назывался Александровым). Инициатором с'ѣзда был энергичный финляндец Конни Циллиакус, о многообразной секретной работѣ котораго я узнал гораздо позже; он являлся на с'ѣздѣ представителем тут-же впервые оглашенной партіи финляндских «активистов». До этого момента все мнѣ извѣстное оппозиціонное движеніе в Финляндіи строго держалось конституціоннаго метода дѣйствій, и в эти-же дни я познакомился в Парижѣ с престарѣлым вождем этого движенія, Мехелином, с которым потом и сносился, до его кончины, защищая финляндскія права от налетов русской реакціи. Резолюція с'ѣзда и ввела в свои рѣшенія формулу, условленную именно с этим широким движеніем и уже принятую в Россіи: «отмѣна всѣх мѣр, нарушивших конституціонныя права Финляндіи». Вплоть до революціи 1917 г. эта формула и составляла цѣль всѣх наших дѣйствій по финляндскому вопросу.

Только из книги Циллиакуса о «Революціи и контр-революціи в Россіи и Финляндіи» (1912 г.) я узнал о характерѣ тѣсной связи — через того же Азефа — русской партіи с.р. с финляндскими политическими дѣятелями. Цѣлью этих правильно организованных сношеній была доставка подпольной литературы в Россію; нѣсколько позднѣе финляндскій плацдарм — опять-таки через Азефа — был использован для подготовки террористических актов, о чем сообщал Г. Думѣ Столыпин. Азефу принадлежал и

«глубѣйшій и фантастичнѣйшій, но казавшійся осуществимым в тогдaшней обстановкѣ» (выраженія Циллиакуса) план — ввезти в Петербург склад оружія в момент, когда там начнется возстаніе. Циллиакус сообщает подробнѣйшія свѣдѣнія о разработкѣ всѣх деталей этого плана — о зафрахтованіи англійскаго парохода «Джон Графтон», о его плаваніи в финских водах и о взрывѣ его в шхерах, когда выяснилось, что никакого возстанія в Петербургѣ не подготовлено, и сам Азеф исчез. Невозможно сомнѣваться, что сам Циллиакус и был — уже в качествѣ «активиста» — участником этого предпріятія в 1905 г., а осенью 1904 г. с полным довѣріем ввел Азефа на с'ѣзд — и не только на наш с'ѣзд, но и на послѣдовавшій за ним с'ѣзд однѣх только революціонных групп, разрѣшавших, под руководством «Ивана Николаевича», вопросы революціонной техники *)).

О важном и тайственном значеніи «Ивана Николаевича» в партіи я мог судить тогда лишь по впечатлѣнію, полученному при посѣщеніи нашей делегаціей с.-р. Марка Натансона. Иван Николаевич сидѣл в сосѣдней комнатѣ, но хозяин поминутно выходил туда, как бы за инструкціями, и возвращался с готовыми отвѣтами по предмету нашей бесѣды. Вообще, на н а ш е м с'ѣздѣ этот «революціонный» элемент держался в тѣни, и мнѣ лично пришлось играть на нем болѣе значительную роль, нежели я мог ожидать, не будучи знаком с настроеніями и планами участвовавших в с'ѣздѣ революціонных групп, большинство которых в то время находилось еще в процессѣ своей организаціи. Именно поэтому, как мнѣ кажется, отказалась от участія в с'ѣздѣ социал-демократическая партія, занятая своими внутренними распрями. В с'ѣздѣ приняли участіе лишь національныя группы армянских и грузинских социалистов-федералистов, удовольствовавшихся в наших резолюціях общей формулой національнаго самоопредѣленія. Гораздо сложнѣе было дѣло с двумя польскими партіями — національной и социалистической. Не помню, была-ли тогда готова наша формула польской автономіи; но поляки уже тогда шли гораздо дальше. Наибольшую часть усилій на этом с'ѣздѣ мнѣ и пришлось потратить с членами нашей делегаціи и с поляками,

*) О сношеніях Циллиакуса с японским полковником Акаши, который вручил ему значительныя суммы денег на закупку оружія для возстаній в Петербургѣ и на Кавказѣ, я узнал позднѣе из брошюры «Изнанка революціи», гдѣ напечатаны документы об этих сношеніях.

именно по польскому вопросу. Струве и другіе сочлены шли дальше меня. Когда, в результатъ преній, никакой удовлетворительной для обѣихъ сторонъ формулы нам не удалось выработать, ко мнѣ подошелъ неизвѣстный мнѣ коренастый полякъ с умнымъ взглядомъ глазъ и энергичными чертами лица и сказалъ мнѣ: «очень радъ познакомиться с русскимъ человѣкомъ, который, наконецъ, впервые не общается намъ всего того, чего мы требуемъ». Это былъ Дмовскій.

Среди такого разнообразнаго и не вполне опредѣливаго свои собственныя требованія собранія было-бы трудно договориться до чего-либо опредѣленнаго, если бы мы вошли въ обсужденіе всего того, что насъ раздѣляло. Я поэтому предложилъ «ограничить обсужденіе минимумомъ общихъ идей и цѣлей, который уже въ настоящее время входитъ въ составъ программъ совѣщающихся партій, и выясненіе котораго оставляетъ неприкосновенными всѣ пункты программы и всѣ тактическіе приемы каждой отдѣльной партіи». Это было принято, и в результатъ объединяющими насъ пунктами оказались: «уничтоженіе самодержавія», какъ отрицательная цѣль, «замѣна его свободнымъ демократическимъ режимомъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ», какъ цѣль положительная, и, наконецъ, «устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ», «право національнаго самоопредѣленія и гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей».

Эти рѣшенія были, конечно, очень общи. Только борьба съ самодержавіемъ безусловно объединила насъ всѣхъ, при чемъ «ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій», какъ было еще рѣзче подчеркнута въ окончательной резолюціи, «ни на минуту не думаетъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ приемовъ борьбы, соответствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ». Эта исчерпывающая формула оставляла открытыми рѣшительно всѣ возможности въ предѣлахъ общаго заданія. Вторую, положительную задачу с'ѣзда пришлось выразить менѣе опредѣленно. «Демократическій режимъ» нашей резолюціи могъ означать и конституціонную монархію земцевъ, и республику, которой требовали социалисты, и даже независимость, которой добивались поляки. Ихъ желаніе: «самоопредѣленіе» (но безъ упоминанія объ отдѣленіи) было сформулировано отдѣльно — в третьемъ пунктѣ.

«глубѣйшій и фантастичнѣйшій, но казавшійся осуществимым в тогдашней обстановкѣ» (выраженія Цилліакуса) план — ввезти в Петербург склад оружія в момент, когда там начнется возстаніе. Цилліакус сообщает подробнѣйшія свѣдѣнія о разработкѣ всѣх деталей этого плана — о зафрахтованіи англійскаго парохода «Джон Графтон», о его плаваніи в финских водах и о взрывѣ его в шхерах, когда выяснилось, что никакого возстанія в Петербургѣ не подготовлено, и сам Азеф исчез. Невозможно сомнѣваться, что сам Цилліакус и был — уже в качествѣ «активиста» — участником этого предпріятія в 1905 г., а осенью 1904 г. с полным довѣріем ввел Азефа на с'ѣзд — и не только на наш с'ѣзд, но и на послѣдовавшій за ним с'ѣзд однѣх только революціонных групп, разрѣшавших, под руководством «Ивана Николаевича», вопросы революціонной техники *).

О важном и тайственном значеніи «Ивана Николаевича» в партіи я мог судить тогда лишь по впечатлѣнію, полученному при посѣщеніи нашей делегачіей с.-р. Марка Натансона. Иван Николаевич сидѣл в сосѣдней комнатѣ, но хозяин поминутно выходил туда, как бы за инструкціями, и возвращался с готовыми отвѣтами по предмету нашей бесѣды. Вообще, на н а ш е м с'ѣздѣ этот «революціонный» элемент держался в тѣни, и мнѣ лично пришлось играть на нем болѣе значительную роль, нежели я мог сжидать, не будучи знаком с настроеніями и планами участвовавших в с'ѣздѣ революціонных групп, большинство которых в то время находилось еще в процессѣ своей организаціи. Именно поэтому, как мнѣ кажется, отказалась от участія в с'ѣздѣ социал-демократическая партія, занятая своими внутренними распрями. В с'ѣздѣ приняли участіе лишь національныя группы армянских и грузинских социалистов-федералистов, удовольствовавшихся в наших резолюціях общей формулой національнаго самоопредѣленія. Гораздо сложнѣе было дѣло с двумя польскими партіями — національной и социалистической. Не помню, была-ли тогда готова наша формула польской автономіи; но поляки уже тогда шли гораздо дальше. Наибольшую часть усилій на этом с'ѣздѣ мнѣ и пришлось потратить с членами нашей делегачіи и с поляками,

*) О сношеніях Цилліакуса с японским полковником Акаши, который вручил ему значительныя суммы денег на закупку оружія для возстаній в Петербургѣ и на Кавказѣ, я узнал позднѣе из брошюры «Изнанка революціи», гдѣ напечатаны документы об этих сношеніях.

именно по польскому вопросу. Струве и другіе сочлены шли дальше меня. Когда, в результатъ преній, никакой удовлетворительной для обѣихъ сторонъ формулы нам не удалось выработать, ко мнѣ подошелъ неизвѣстный мнѣ коренастый полякъ с умнымъ взглядомъ глазъ и энергичными чертами лица и сказалъ мнѣ: «очень радъ познакомиться с русскимъ человѣкомъ, который, наконецъ, впервые не общается намъ всего того, чего мы требуемъ». Это былъ Дмовскій.

Среди такого разнообразнаго и не вполне опредѣливаго свои собственныя требованія собранія было-бы трудно договориться до чего-либо опредѣленнаго, если бы мы вошли въ обсужденіе всего того, что насъ раздѣляло. Я поэтому предложилъ «ограничить обсужденіе минимумомъ общихъ идей и цѣлей, который уже въ настоящее время входитъ въ составъ программъ совѣщающихся партій, и выясненіе котораго оставляетъ неприкосновенными всѣ пункты программы и всѣ тактическіе приемы каждой отдѣльной партіи». Это было принято, и въ результатъ объединяющими насъ пунктами оказались: «уничтоженіе самодержавія», какъ отрицательная цѣль, «замѣна его свободнымъ демократическимъ режимомъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ», какъ цѣль положительная, и, наконецъ, «устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ», «право національнаго самоопредѣленія и гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей».

Эти рѣшенія были, конечно, очень общи. Только борьба съ самодержавіемъ безусловно объединила насъ всѣхъ, при чемъ «ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій», какъ было еще рѣзче подчеркнута въ окончательной резолюціи, «ни на минуту не думаетъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ приемовъ борьбы, соответствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ». Эта исчерпывающая формула оставляла открытыми рѣшительно всѣ возможности въ предѣлахъ общаго заданія. Вторую, положительную задачу съѣзда пришлось выразить менѣе опредѣленно. «Демократическій режимъ» нашей резолюціи могъ означать и конституціонную монархію земцевъ, и республику, которой требовали социалисты, и даже независимость, которой добивались поляки. Ихъ желаніе: «самоопредѣленіе» (но безъ упоминанія объ отдѣленіи) было сформулировано отдѣльно — въ третьемъ пунктѣ.

Совершенно в сторонѣ были оставлены, по молчаливому согласію участников, социальныя и экономическія вопросы. Всѣ понимали, что тут сговориться нельзя и что, добившись политической свободы, каждая партія пойдет дальше своей дорогой: социалисты — к революціи во имя диктатуры пролетаріата, русскіе интеллигенты — к социальным реформам в рамках внѣклассоваго общества и социальнаго мира, польскіе аграріи и часть русских земцев — к охранѣ тѣм или другим способом классоваго интереса. Этим самым было особенно выдвинуто вперед одинаковое для всѣх значеніе предварительной стадіи — достиженія политической свободы для самого «Союза Освобожденія» — именно в смыслѣ умолчанія о его болѣе лѣвых настроеніях. И одновременно с протоколом и декларацией с'ѣзда в 17-м «Листкѣ Возрожденія» было напечатано заявленіе «Союза Освобожденія», в котором признавалось «существенно необходимымъ положить в основаніе политической реформы принципъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ», а также «опредѣлить свое принципиальное отношеніе к социально-экономическимъ проблемамъ». В противоположность двум предыдущимъ документамъ, это заявленіе написано не мною и составлено уже послѣ моего от'ѣзда: оно повторяло точныя формулы январскаго учредительнаго с'ѣзда «Союза». Для полученія их — и для разрѣшенія впервые публично назвать самое имя «Союза Освобожденія» — напечатаніе документовъ с'ѣзда было отложено до 1 октября. Именно на это заявленіе сослался Жорес в доказательство того, что «русскіе либералы» уже не прежняя «барская, собственническая и капиталистическая фронда», и что «отнынѣ социалисты, для которыхъ политическая демократія есть необходимое условіе ихъ пролетарскаго дѣйствія, и либералы согласны между собою в томъ, что прежде всего необходимо завоевать режимъ политическаго контроля и политическихъ гарантій, основанный на всеобщемъ правѣ голоса для всѣхъ русскихъ, безъ различія классовъ» («Humanité», 1 декабря, 1904 г.). Здѣсь, казалось, устанавливалось соглашеніе между двумя общественными теченіями, одно из которыхъ выдвигало преимущественно *политическую*, а второе — преимущественно *соціальную* сторону борьбы, — и этимъ (какъ опять-таки, «казалось») опредѣлялась ея общая перспектива. Еще одно попутное замѣчаніе, которое нѣсколько выходитъ изъ рамокъ этихъ воспоминаній, но тѣсно связано съ характеристикой с'ѣзда

«оппозиционных и революционных организаций». Равняясь по наиболее умѣренным элементам, пренія и рѣшенія с'ѣзда приня-ли очень сдержанный характер. Но уже упомянуто выше, что за этим совѣщаніем послѣдовало другое — в составѣ одних только революционных групп. И тут совѣщанія приняли то направленіе, для котораго с'ѣзд, собственно, и был собран. Из доклада Ратаева, за № 282 от 9-22 октября (т. е., от дня окончанія второго совѣщанія), напечатаннаго в сборникѣ «Минувшее», так же как и из упомянутой книги Цилліакуса можно видѣть, что мысль о парижской конференціи явилась у поляков на амстердамском социалистическом конгрессѣ с прямою цѣлью — воспользоваться войною с Японіей для ослабленія самодержавія, — и что обсужденныя на втором совѣщаніи мѣры именно и касались революционных выступленій, намѣченных к выполнению послѣ опубликованія документов с'ѣзда *). Эти цѣли были впоследствии приписаны реакціонной печати и нашему (первому) совѣщанію. Уже Цилліакус отмѣтил, что тут второе совѣщаніе смѣшано с первым. Насколько пораженческой характер был чужд первому собранію, можно видѣть из того, что когда, из опасенія пораженчества, Плеханов отказался участвовать в «спекуляціи на войну», — то ему было отвѣчено, что это лишь «привходящій момент», послужившій «лишь одним из поводов созыва» конференціи. Что касается лѣвой (вплоть до терроризма) тактики выступленій, намѣченных на втором совѣщаніи на 1905 год, то нельзя отрицать, что (за исключеніем террора) эта тактика *могла* быть усвоена нѣкоторыми лѣвыми элементами «Союза Освобожденія», но уже из вторых рук, так как о рѣшеніях второго, революціоннаго собранія «оппозиціонные» участники перваго ничего не знали.

Петру Дм. Долгорукову нужно было по окончаніи парижскаго с'ѣзда немедленно ѣхать в Петербург для подготовки к земскому с'ѣзду, намѣченному на 6 (19) ноября. Не будучи земцем, я не мог принять в нем участія в качествѣ члена, да кромѣ того мнѣ нужно было спѣшить к от'ѣзду в Америку. Тѣм не менѣе, этот акт русской политической жизни уже тогда представлялся настолько важным, что и я рѣшил послѣдовать за Долгоруковым. Петрунке-

*) Упомянутые выше документы прямо указывают на польскую социалистическую партію, как на получившую оружіе через посредство Цилліакуса.

вич был вызван туда-же в концѣ октября, получив от Святополка-Мирскаго освобожденіе от всѣхъ полицейскихъ ограниченій.

28-ымъ октября (старого стиля) помѣчена из Петербурга моя статья о «Фіаско новаго курса», напечатанная в № 60 «Освобожденія» и написанная, очевидно, в тѣ самые дни, когда происходили бесѣды Петрункевича с Святополком-Мирским и с Витте. В своихъ воспоминаніяхъ Петрункевич подробно изложилъ содержаніе обѣихъ бесѣд; думаю, что я зналъ уже тогда от него ихъ содержаніе и, слѣдовательно, могъ сообразоваться с ними в своей статьѣ. Бесѣда с Витте была настолько важна — не столько для обоснованія, сколько для подтвержденія уже принятой нами тактики, что я позволю себѣ привести из нея выдержку по воспоминаніямъ Петрункевича. И. И. пытался доказать Витте, что «правительство вынуждено будетъ уступить и принять конституціонный строй взаменъ самодержавнаго». Витте возражалъ «категорическимъ тономъ, какъ авторитетъ и какъ человекъ убѣжденный». «Вы не принимаете в расчетъ, во-первыхъ, что государь относится къ самодержавію, какъ къ *догмату вѣры*, какъ къ своему долгу, котораго ни в цѣломъ, ни в части он *уступитъ* кому бы то ни было *не можетъ*. Это — его вѣра, и вы безсильны ее измѣнить. Во-вторыхъ, общество русское не настолько сильно, чтобы вступить в борьбу с самодержавіем... Крестьянство будетъ на сторонѣ самодержавія, а не на сторонѣ такъ называемаго общества, которое будируетъ, не учитываяъ своихъ сил... Человѣчествомъ двигаютъ не идеи, а матеріальные интересы; интересы же народа тѣсно связаны с интересами самодержавія, которое одно могло дать народу в 1861 году свободу и землю, вопреки желанію дворянства». Вот почему Витте «не опасается за самодержавіе, которому преданъ не за страхъ, а за совѣсть».

Нетрудно, конечно, не только теперь, но и в то время было найти грубыя ошибки в этомъ расчетѣ политика-самоучки, какимъ, при всемъ своемъ умѣ, былъ Витте. В расчетѣ на крестьянство Витте ошибся уже при выборахъ в первую думу. Сопоставленіе «общества» с дворянствомъ — «идей» перваго с «матеріальными интересами» сословій — свидѣтельствовало о полномъ непониманіи социальныхъ сдвиговъ, совершившихся послѣ 1861 года, и незнаніи степени осознанія крестьянствомъ своихъ «матеріальныхъ интересовъ», глубоко нарушенныхъ бюрократіей. Презрѣніе къ «идеямъ» вытекало изъ намѣреннаго игнорированія того динамизма, которымъ были заряжены нѣкоторыя «идеи». Все вмѣстѣ показывало, что о «без-

силѣ» общества и «силѣ» правительства рано говорить в виду быстро мѣнявшагося соотношенія этих сил. А ссылка, в послѣднем счетѣ, на «догмат вѣры» государя была опасна тѣм, что доказывала даже оппортунистам, что строить тактику на планѣ мирной уступки с этой стороны не слѣдует, и что, при измѣнившемся соотношеніи сил, через «догмат» придется, в той или другой формѣ, перешагнуть...

Этими соображеніями и об'ясняется, почему непримиримость с одной стороны столкнулась с непримиримостью с другой. Этим духом проникнуты были мои статьи в «Освобожденіи» вообще, и обѣ статьи о новом министрѣ внутренних дѣл в частности. «Вы с нами не примиритесь», говорил мнѣ Плеве. Да, отвѣчал я его преемнику, — ибо «на фразѣх о довѣрїи уже нельзя построить никакой либерально-самодержавной программы». Но министр «не уполномочен свыше», оправдывал Святополка князь Мещерскій. В том-то и заключается «величайшій трагизм положенія», отвѣчал я, что «честный человѣкъ принужден становиться в фальшивое положеніе обманщика... Зачѣм стоять между молотом и наковальной исторїи?». При таком положеніи оппозиціонныя группы не мирятся, а «возвращают себѣ полную свободу дѣйствій»... Святополкъ был «честным человѣком»; но он попал «в фальшивое положеніе», и оппозиція вернула себѣ «свободу дѣйствія».

Земскій с'ѣзд 6-9 ноября должен был демонстрировать эти положенія — демонстрировать своей тактикой — даже независимо от подготовленных им рѣшеній. Из официально разрѣшеннаго на сей раз благожелательным министром совѣщанія предсѣдателей губернских управ, — такого, какой собирался прежде Шиповым в частном порядкѣ, с'ѣзд уже до его открытія превратился в собраніе «на чашку чая» в частных квартирах. Запрещенный министром, в своем новом составѣ и настроеніи, он готовил не «ходатайство» в старом стилѣ, а «резолюцію», выражавшую минимальное требованіе всей организующейся спѣшно Россіи. До сих пор, сколько мнѣ извѣство, не было указано на тѣсную связь этого документа, подготовленнаго в Москвѣ В. Е. Якушкиным, с программой первых шагов, развитой в первом номерѣ «Освобожденія». Сюда относятся пятый, шестой и седьмой пункты «Положеній» — о правах граждан, о равенствѣ перед законом и о гарантіи независимаго суда, а также принятыя в послѣднем засѣданіи дополнително «мнѣнія» об отмѣнѣ мѣр административной репрессіи и об

«актъ помилованія» верховной властью. Главный тезис — о политической реформѣ — был, как извѣстно, предложен в проектѣ бюро в смягченной формѣ — с цѣлью удержать председателем запрещеннаго с'ѣзда Д. Н. Шипова. Говорилось здѣсь только (но уже *говорилось*) о необходимости «правильнаго участія в законодательствѣ» народного представительства, как особаго выборнаго учреждения». Эта формула бюро, однако, об'единила на с'ѣздѣ только 27 голосов против 71. Тогда поставлены были на очередь поправки, приблизившія формулу к тексту перваго номера «Освобожденіе» (см. выше). вмѣсто подчеркнутаго общаго слова «в законодательствѣ» принято было: «в осуществленіи законодательной власти» (60 голосов против 38), «в установленіи государственной росписи доходов и расходов» (91 против 7), «и в контролѣ за законностью дѣйствій администраціи» (95 против 3). Не была замѣчена, повидимому, и связь послѣдняго (11-го) пункта «Положеній» с'ѣзда с требованіем программы перваго номера о созданіи «учредительнаго органа». Этого термина, правда, не упоминалось, но проект бюро говорил: «*разрѣшеніе* вопроса об основаціях и формах взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства должно быть *предоставлено* представителям народа, избранным при наличности указанных выше условий, необходимых для свободы выборов». Это близко соответствовало первоначальной программѣ земцев-конституціоналистов. При обсужденіи, однако же, прямой смысл этого пункта был нѣсколько заглушеная. Выражалась «надежда, что верховная власть призвет свободно выбранных представителей народа, дабы при содѣйствіи их вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія в духѣ установленія начал права и взаимодѣйствія государственной власти и народа». В такой формѣ этот пункт, не менѣе важный, нежели предыдущій, возраженій не встрѣтил. Как извѣстно, в дальнѣйшем ходѣ дѣла конституціонное требованіе с'ѣзда было, в послѣднюю минуту, вычеркнуто из проекта указа, представленнаго Святополк-Мирским государю, конечно, в сильно смягченной формѣ, и уже принятаго на собраніи сановников под председательством государя. Николай II собрал послѣ того тѣсный семейный совѣтъ и позвал на него Витте. Послѣдній, зная непреложность «догмата вѣры» государя, подал ему коварный совѣтъ сивиллы. Смысл его был такой: дѣлайте, как знаете, — моя хата с краю; но знайте, что вѣдь «это — *к о н с т и т у ц і я !*».

Вите, конечно, прекрасно понимал, что от него только этого и ждали. Параграф был вычеркнут, к несказанному удивленію участников предыдущаго совѣщанія. Так кончилась в келейном порядкѣ, «сам третей у постели», как говорили про Ивана III, исторія первой серьезной попытки подхода к конституціонной реформѣ...

Я не мог слѣдить за ходом преній на историческом с'ѣздѣ — я тѣм болѣе за исходом, еще раз доказавшим безсиліе одной мирной тактики. Я успѣлъ побывать лишь на подготовительном совѣщаніи, гдѣ были только свои. Все-же параллель между впечатлѣніями Парижа и Петербурга ярко бросалась в глаза. Оказавшись в самом центрѣ тѣх и других впечатлѣній, полученных от умѣреннаго и лѣваго крыла — уже не земства, а «освобожденчества», — я тѣм легче мог охватить цѣлое. Но выводы из этих наблюденій были еще впереди.

В своих воспоминаніях, Г. В. Гессен рассказывает, что ему было поручено моими друзьями отговорить меня от этой поѣздки в Америку, «в виду ускоренія хода событій», и я ему отвѣтил: «не волнуйтесь, Г. В., я вернусь еще во-время, а в Америку и у ж н о ѣхать». Я, конечно, не пророк, но нетрудно было в самом дѣлѣ видѣть, что эпизод закулисной политической драмы в управленіе Святополка — далеко не послѣдній. В этой стадіи процесса я едва-ли и мог бы рассчитывать — вложить в ход процесса что-нибудь свое. А в Америку, дѣйствительно, *и а д о* было ѣхать — не только даже для исполненія принятых на себя обязательств, но просто потому, что эти «годы странствій» продолжали быть для меня и «годами ученья». Ученья для той-же цѣли: для моего пребращенія из ученаго историка в политическаго дѣятеля. Мои американскія лекціи стояли как раз на грани того и другого: при помощи исторических знаній я старался осмыслить происходившее. Я видѣлъ, конечно, что процесс из сознательнаго уже начинает превращаться в стихійный: к этому сводилось сопоставленіе Парижа с Петербургом. Но в этом и состоялъ кусок исторіи, исключавшій рациональное воздѣйствіе — в предѣлах моей возможности и моего пониманія.

Поспѣшив от петербургских дней с'ѣзда в Шербург к отходу парохода, я оставлялъ позади туманныя очертанія дальнѣйшаго политическаго процесса на родинѣ.

П. Милюков.